

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-357-371

СМОЛЕНЧУК Михаил Михайлович,
аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
помощник судьи, Омский областной суд,
e-mail: mixailsmolenchuk@mail.ru

Научный руководитель:
БИРЮКОВ Сергей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: svbir@mail.ru

ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы судебного правотворчества применительно к его месту и роли в правовой системе Российской Федерации и доктрине с учетом сформировавшихся в юридической науке взглядов. Особое внимание уделяется вопросам принципов, на которых базируется судебное правотворчество, как основополагающих начал, в соответствии с которыми судебное правотворчество осуществляется судами на практике в процессе правоприменения. Исходя из анализа теоретических положений, действующих норм закона и актов судебного правоприменения делается вывод о характере и видах заложенных в судебном правотворчестве принципов, что позволяет более углубленно определить место и роль судебного правотворчества в правовой системе, а также при разрешении проблем правоприменения, в том числе путем сравнения соответствия принципов правотворчества и судебного правотворчества. В порядке отражения правового регулирования судебное правотворчество рассматривается в качестве консервативно-динамичной системы, имеющей собственный набор и специфику принципов построения.

Ключевые слова: правотворчество, принципы права, судебное правотворчество, принципы судебного правотворчества, законотворчество, правоприменение, правовое регулирование, судебная практика, единообразие правоприменения, правовая система, судебный прецедент, источник права.

SMOLENCHUK Mikhail Mikhailovich,
PhD Student, Department of Theory and History of State and Law,
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Assistant judge, Omsk Regional Court

Scientific supervisor: **BIRYUKOV Sergey Viktorovich**,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

PRINCIPLES OF JUDICIAL LAW-MAKING

Annotation. This article examines the issues of judicial lawmaking in relation to its place and role in the legal system of the Russian Federation and doctrine, taking into account the views formed in legal science. Particular attention is paid to the issues of principles on which judicial lawmaking is

based, as fundamental principles, in accordance with which judicial lawmaking is carried out by courts in practice in the process of law enforcement. Based on the analysis of theoretical provisions, current norms of law and acts of judicial law enforcement, a conclusion is made on the nature and types of principles laid down in judicial lawmaking, which allows for a more in-depth determination of the place and role of judicial lawmaking in the legal system, as well as in resolving law enforcement problems, including by comparing the conformity of the principles of lawmaking and judicial lawmaking. In order to reflect legal regulation, judicial lawmaking is considered as a conservative-dynamic system with its own set and specificity of principles of construction.

Key words: *lawmaking, principles of law, judicial lawmaking, principles of judicial lawmaking, law enforcement, legal regulation, judicial practice, uniformity of law enforcement, legal system, judicial precedent, source of law.*

Классической темой в юридической науке является вопрос о правовых принципах, соотносящихся как с самим разносторонним понятием права или, что более предметно, рассматриваемой правовой системой в целом, так с отдельными правовыми явлениями, институтами или процессами в правовой сфере, в частности, правотворчеством. И если по прошествии многих столетий развития юридической мысли может быть констатировано, что соответствующие принципы применительно к правотворчеству в воззрениях тех или иных авторов неоднократно находили свое систематическое выражение, в том числе не соответствующее общему знаменателю, который, более того, не может считаться в полной мере достигнутым, поскольку относительно множества присуждаемых правотворчеству принципов до сих пор позволительно вести определенную дискуссию, то в случае с таким неоднозначным явлением, как судебное правотворчество, вопрос о принципах традиционно на протяжении длительного периода не только являлся гораздо менее раскрываемым и, как следствие, неясным, но и оставляемым за рамками обсуждения, что не позволяет в отсутствие существенных наработок в заданном вопросе говорить об идентичности или непримиримой разности принципов правотворчества и судебного правотворчества, в том числе в сравнении. Однако, учитывая и воспринимая позицию о том, что «принципы правотворческой деятельности находятся в органической взаимосвязи друг с другом, взаимодействуют, обуславливают друг друга» [1, с. 53], при отнесении судебного правотворчества к правотворческой деятельности в целом представляется возможным подвергнуть попытке выражения и оценке принципы правотворчества судебных органов власти.

Как отмечают видные исследователи, «большинство российских ученых считает, что правотворчеству присущи такие принципы как: 1) научность (ибо в процессе подготовки нормативных актов изучается социально-экономическая, политическая и иная ситуация, а также объективные потребности развития общества); 2) профес-

сионализм, так как заниматься такой деятельностью должны специалисты – управленцы, юристы, экономисты и другие компетентные в своем деле люди; 3) законность (правотворческая деятельность должна осуществляться в пределах, установленных Конституцией, законами и подзаконными актами); 4) демократизм, который отражает степень участия граждан в правотворческом процессе, а также уровень развития процедурных норм и институтов в обществе; 5) гласность – это означает открытость правотворчества для широкой общественности; 6) оперативность, что предполагает своевременность издания нормативных актов и правовых норм для регулирования постоянно изменяющихся общественных отношений» [2, с. 166]. Рассматривая применимость данного перечня наиболее общепризнанных принципов правотворчества, в первоначальном приближении оставляя за рамками иные так или иначе обсуждавшиеся в науке принципы (конституционность, исполнимость, гуманизм и т.д.), к судебному правотворчеству, следует отметить, что в поставленном вопросе, во всяком случае, представляется необходимым исходить из специфики свойств последнего по отношению к классически понимаемому правотворчеству и законотворчеству, которые, тем не менее, не являются в достаточной степени уникальными, чтобы слишком разграничивать указанные явления с позиции принципов, выявляя моменты удивительного сходства.

В изложенной связи, научность, как принцип, на первый взгляд, навряд ли может быть отнесена к судебному правотворчеству, осуществляемому судебным органом государственной власти, не являющимся экспертом во множестве областей и не обладающим специальными познаниями, кроме того, в отсутствие явной легитимности актов судебного правотворчества именно как правотворческих актов, однако частью первой статьи 19 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» регламентировано, для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики при Верховном Суде РФ действует Научно-кон-

сультативный совет, состав которого утверждает Пленумом Верховного Суда РФ¹. При этом согласно пунктам 2, 3 соответствующего Положения основной задачей Научно-консультативного совета является разработка научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики, предложений по совершенствованию законодательства, разработка рекомендаций по проектам постановлений Пленума Верховного Суда, содержащих разъяснения по применению законодательства, и по материалам обобщений судебной практики и судебной статистики². Созвучно примечательно, что соответствующие рекомендации затрагивают именно принципиальные вопросы судебной практики, что в полной мере соответствует также сущности постановлений Пленума Верховного Суда, заключающейся принципиально в регулировании судебного правоприменения, что не может не отражаться на правовой действительности в приближении к правоотношениям и ожиданиям субъектов права по отношению к правоприменителям в лице судов. Вместе с тем, наличие и действие соответствующего совета вряд ли может существенно выделяться на фоне экспертных советов многочисленных комитетов по тем или иным вопросам Государственной Думы и Совета Федерации, являющихся законодательно-властными органами, также на фоне исполнительной власти, в том числе оперирующей научным подходом в своей деятельности и также имеющей работающие на постоянной основе в данном отношении структуры (например, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ), что наталкивает на мысль о свойстве научности власти в российской правовой системе в целом. В данной связи принцип научности, общепризнанно присуждаемый правотворчеству, не может подвергаться умалению и по отношению к судебному правотворчеству, поскольку, формируя правоприменение посредством издания соответствующих обзоров и постановлений, высшая судебная инстанция исходит в том числе из научно-обоснованных рекомендаций, что, однако, вряд ли может быть отнесено к отдельным судебным актам Верховного Суда по обособленным спорам, которые также способны оказывать определяющее влияние на судебную практику. В дан-

ной связи, говоря о научности судебного правотворчества, в частности, может быть отмечена и позиция: «Правовая доктрина имеет скорее не теоретическое значение, как кажется многим. Она важна с точки зрения практики, т.е. всегда нацелена на практический результат - повышение эффективности правового регулирования» [3, с. 287]. В продолжение заявленной позиции указывается: «Именно научная доктрина первична постольку, поскольку, фигурально выражаясь, она «освещает путь» официальному толкованию права, оказывает влияние на правосознание судей» [4, с. 7]. Представляется, что подобная совокупная логика является и двигателем привносимых в законодательство изменений, поскольку крайне нерациональным образом могла бы выглядеть скрупулезная разработка научных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики, разрешение которых находило бы свое отражение в соответствующих актах судебного правотворчества, если бы последние не обладали нормативным авторитетом и могли бы игнорироваться. Как следует из части четвертой статьи 198 Гражданского процессуального кодекса РФ, в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ³. В изложенной связи применительно к вопросу о соответствующих правовых источниках принцип научности судебного правотворчества в том числе выдерживает соответствие своей общепризнанности в правотворчестве, как с позиций наличия необходимой используемой материально-технической базы и действующих структур, так культивируемого в правовой системе отношения к доктринальным воззрениям, при этом не имеется в какой-либо степени очевидных оснований полагать данный принцип отсутствующим.

В свою очередь, принцип профессионализма, отражающий субъектную составляющую правотворчества, наиболее тесно связан с принципом научности, говоря о наличии которого в правотворчестве и судебном правотворчестве применительно к вопросу о профессионализме, вряд ли будет иметь какое-либо обоснование утверждение о присутствии одного без другого, поскольку учитываемые при разработке соответствующих актов правотворчества научно-обоснованные рекомендации разрабатываются профессиональными субъектами, учеными, с привлече-

¹ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 550.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 8 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2014.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

нием необходимых специалистов и экспертов из областей права, экономики, социологии, финансов, управления и других, в том числе более узких. В то же время анализ социально-экономической и правовой ситуации, оценка перспектив развития общества и государства при разработке разъяснений по вопросам судебного правоприменения обобщенного характера проводится судьями как носителями профессионального правосознания, исходя из необходимого стремления к обеспечению единообразия такого правоприменения, что в силу положений пункта 1 части 7 статьи 3 и пункта 1 части 3 статьи 5 указанного выше Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ является целенаправленной деятельностью высшего органа судебной власти.

Между тем, как указывает в отношении правотворчества С.С. Алексеев: «Главное, что определяет успех правотворческой деятельности компетентных органов, — это правильное соотношение объективного и субъективного: полный учет назревших объективных потребностей общественного развития, реальное выражение в праве воли народа, своевременное осуществление назревших правовых мероприятий, формирование воли народа с максимальным использованием достижений юридической науки и т.д.» [5, с. 75-76]. Как отмечено, позиция автора касается правотворческой деятельности компетентных органов. Однако с позиций обладания правом законодательной инициативы, предусмотренной статьей 104 Конституции РФ¹, не предполагается прямое осуществление правотворчества судебными органами, вследствие чего логично признать суд некомпетентным органом в плане установления каких-либо собственных правовых положений нормативного, общеобязательного характера, за исключением регламентов деятельности, что приводит к вопросу о законности судебного правотворчества как таковой. Статьей 126 Конституции РФ устанавливается, Верховный Суд РФ осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Развитие соответствующих конституционных положений отражено в нормах указанного Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ. Буквальное толкование законодательства, на первый взгляд, не дает оснований вывода о легитимности судебного правотворчества. При этом в силу пункта 2 части

2 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (в редакции Федерального закона от 02.12.2019 № 406-ФЗ²) основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений являются новые обстоятельства - указанные в части четвертой настоящей статьи, возникшие после принятия судебного постановления и имеющие существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельства. Вместе с тем согласно пункту 5 части 4 указанной статьи к новым обстоятельствам относятся определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, если в таком постановлении содержится указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами.

В данной связи следует отметить, что имеющая место в юридической литературе позиция относительно рассмотрения нормативных решений российских судов в качестве судебных прецедентов по иным сущностно аналогичным основаниям [6, с. 9] на сегодняшний день имеет большой объем косвенных подтверждений в нормах закона, при этом с учетом последних тенденций в области проблемы отмечается: «В свете исторических процессов и мировоззренческих особенностей отечественного юридического наследия нельзя считать случайностью влияние суда на развитие российской государственности, по крайней мере на отдельных этапах нашей истории; уже поэтому ошибочно было бы воспринимать зарождение, формирование начал судебного правотворчества в России результатом простого реципирования идей прецедентного права» [7, с. 12-13]. Необходимо здесь также обозначить, что указанное формирование, при этом, что более вероятно, скорее продолжение начал судебного правотворчества вне исторического контекста применительно к современной правовой системе начало происходить после введения первоначально Федеральным законом от 09.12.2010 № 353-ФЗ³ соответствующих указанных положений гражданского процессуального закона и в других применимых отраслях права, в частности согласно пункту 5 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуаль-

² Федеральный закон от 02.12.2019 № 406-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.12.2019 (часть V). № 49. Ст. 6965.

³ Федеральный закон от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6611.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

ного кодекса РФ¹ в редакции Федерального закона от 28.06.2014 № 186-ФЗ², что воспринято и подтверждено также действующими разъяснениями ликвидированного Высшего Арбитражного Суда РФ (пункты 12, 15 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52³), в данной связи арбитражный процессуальный закон в указанном вопросе является преуспевающим вслед за ближайшей по духу и букве закона процессуальной отраслью, что в то же время на данный момент и сразу при оформлении справедливо и для административного судопроизводства, получившего кодифицированную регламентацию в 2015 году (пункт 5 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ⁴). В указанном отношении планомерное закрепление в нормативных правовых актах в буквальном смысле в качестве оснований отмены вступивших в законную силу судебных постановлений определения или изменения практики применения правовой нормы, исходящих не от законодателя, свидетельствует о наличии определенной тенденции, в развитии которой в законе законодатель уже давно подошел к принципиальному вопросу происходящего нарушения разделения властей, однако длительное время не находит на него однозначного ответа либо не собирается его давать четким образом, что следует рассматривать также с учетом имевших место еще задолго до и на стыке появления соответствующих изменений в законодательстве небезосновательных позиций относительно очевидной на сегодняшний день обязательности постановлений высшей судебной инстанции для нижестоящих судов [8, с. 9]. Указанное воззрение в специфической форме и более широко проводится в сферу правового регулирования, в частности, в силу пункта 3 части 3 статьи 310 упомянутого Кодекса административного судопроизводства РФ неправильным применением норм материального права является неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в

постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, в то же время иные оформляющие отрасли акты лишь содержат указание на возможность ссылки на соответствующие акты судебного правотворчества (часть 4 статьи 198 Гражданского процессуального кодекса РФ, часть 4 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ), не связывая напрямую неправильность применения норм материального закона с неправильностью его истолкования именно в том варианте, который предложен в том или ином постановлении, в условиях очевидности в случае неправильного истолкования закона характера референтного акта при наличии последнего. Подобная разница в регулировании с учетом изложенного является неясной, однако само по себе постепенное закрепление далеких от классических прецедентных, тем не менее схожих начал свидетельствует об отсутствии иных, помимо сугубо формализованных, аргументов относительно незаконности судебного правотворчества, во всяком случае, тогда будет являться необъяснимым и даже абсурдным обозначенное поведение законодателя, имеющего на протяжении длительного времени возможность приведения правовой системы в указанном проблемном вопросе к четкости и ясности, однако предпринимающего шаги в обратном направлении, в некоторой степени практически напрямую делегируя, кроме того, без указания конкретных случаев, в общем виде правотворческую функцию судебным органам.

Таким образом, в целом относительно законности судебного правотворчества с позиций легальности можно заметить, что проявление нарастающего закрепления в законодательстве прецедентных начал в достаточно уникальной форме свидетельствует о признании законодателем в той или иной степени необходимости регулирования возникающих в судебном правоприменении процессов, однако не является ясным, происходит ли указанное регулирование в целях легитимации судебного правотворчества или в качестве инструмента повышения эффективности правосудия, либо же, что не исключено и не противоречит данным целям, является простой констатацией факта со стороны законодателя. Во всяком случае, закрепление действительного легального статуса судебного правотворчества описанным способом является сомнительным, в особенности с учетом юридической силы нормативно-правовых актов в своей иерархии, однако, тем не менее, закрепленное указанной выше статьей 126 Конституции РФ полномочие Верховного Суда РФ по разъяснению вопросов судебной практики не содержит указаний на запрет нормативного характера разъяснений. При этом указан-

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

² Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3392.

³ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» // Вестник ВАС РФ. № 9, сентябрь. 2011.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

ные процессы отражения прецедентных начал постепенно происходят, действительно, в отсутствие сходства с простым рецепированием идей прецедентного права, не вдаваясь в существо исторической стороны вопроса хотя бы потому, что в классическом виде в российской правовой системе судебный прецедент изначально не представлен и никогда не был представлен, по крайней мере, не признавался открыто как источник права, при этом сходное с ним действие на правовое регулирование оказывают акты-сборники (постановления Пленума Верховного Суда, обзоры практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда) разъяснений законодательства по тем или иным вопросам, обязательные к применению и формируемые в том числе с учетом, как заявлено, научных рекомендаций. В данном вопросе также нельзя не отметить, что с учетом более ранних исследований уже указывалось на условную нормативность и общеобязательность судебных постановлений как на аргумент в пользу признания судебных актов в качестве формальных источников права [9, с. 14-15]. Таким образом, с учетом изложенного, в вопросе присущности судебному правотворчеству принципа законности, предполагающего осуществление правотворческой деятельности в пределах, установленных Конституцией, законами и подзаконными актами, может быть сделан вывод о наличии соответствующего принципа с двумя оговорками: 1) принцип законности в судебном правотворчестве имеет двойственную позитивно-негативную природу: с одной стороны, возможность судебного правотворчества, исходя из определения либо изменения практики применения правовых норм, регламентирована федеральным законом; с другой стороны - не запрещается актами большей относительно федерального закона юридической силы; 2) принцип законности в судебном правотворчестве, во всяком случае, косвенно соблюдается с учетом преобладающей в юридической литературе характеристики судебного правотворчества как несамостоятельного вторичного явления, полностью зависящего от правовых норм, вследствие чего возникшие в результате судебного правотворчества положения не могут являться незаконными, поскольку рассматриваются полностью основанными на существующих действующих позитивных нормах.

Возвращаясь к обозначенному определению успешной правотворческой деятельности, данному С.С. Алексеевым, предполагающему в том числе реальное выражение в праве воли народа, формирование воли народа с максимальным использованием достижений юридической науки, следует отметить, что рассмотрение в подобном хрестоматийном варианте вопросов судебного

правотворчества не может достаточно логично соотноситься с сущностью последнего, поскольку судебное правотворчество, являясь во многом реакционным процессом в отношении происходящих в правовой системе и общественной жизни в целом изменений, не осуществляется на демократических началах. Степень участия граждан в правотворческом процессе применительно к судебному правотворчеству вряд ли может быть названа минимальной, исходя хотя бы из того, что органы судебной власти выборными не являются, при этом, как следует из соответствующих норм-регламентов, о времени созыва Пленума Верховного Суда и вопросах, которые вносятся на его рассмотрение, судьи Верховного Суда, а также приглашенные на заседание Пленума Верховного Суда лица уведомляются заблаговременно, вопросы для обсуждения на заседании Пленума Верховного Суда вносятся Председателем Верховного Суда (пункт 3.1.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2)¹, вместе с тем вопросы, предлагаемые к вынесению на рассмотрение Президиума Верховного Суда, оформляются служебными записками на имя Председателя Верховного Суда, материалы к рассмотрению на заседании Президиума Верховного Суда передаются в секретариат Президиума Верховного Суда для проведения мероприятий по подготовке заседания Президиума, лица, приглашенные на заседание Президиума Верховного Суда, могут принимать участие в обсуждении вопросов согласно повестке заседания (пункт 3.2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2). Таким образом, в общем виде нельзя усмотреть какое-либо закрепленное право «разъяснительной» инициативы, сходное по содержанию с предусмотренным частью 1 статьи 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы, принадлежащим в том числе законодательным (представительным) органам субъектов РФ, так или иначе избираемым народом. В то же время соответствующие процедуры работы указанных Пленума и Президиума допускают участие приглашенных на заседание лиц, которые могут принимать участие в обсуждении вопросов согласно повестке, однако сама по себе необходимость их приглашения не свидетельствует о наличии оснований усмотрения признаков демократизма в судебном правотворчестве. Примечательно, что заседание Пленума Верховного Суда правомочно при наличии не менее двух третей от числа действующих судей Верховного Суда, постановление Пленума Верховного Суда счита-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2014.

ется принятым, если за него проголосовали большинство судей Верховного Суда, участвующих в заседании (пункт 3.1.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2), то есть допускается положение, при котором возможно принятие постановления одной третью и одним из общего числа соответствующих действующих судей, что отличается от правил голосования законодательных органов для принятия федеральных законов и федеральных конституционных законов (часть 2 статьи 105, часть 2 статьи 108 Конституции РФ), предусматривающих соответствующее принятие, во всяком случае, минимум большинством голосов от общего числа законодателей, что свидетельствует о первоначально более низком пороге принятия имеющих определяющее правовое значение актов в судебном правотворчестве. Резюмируя изложенное, можно отметить, что демократизм как принцип в общем виде не присущ судебному правотворчеству, поскольку судьи не являются избранными народом, а сами процедуры принятия соответствующих актов не предусматривают по общему правилу какого-либо влияния воли народа на их содержание. Кроме того, говоря о демократизме в судебном правотворчестве, следует учитывать, что сам по себе феномен судебного правотворчества является свидетельством нарушения принципа разделения властей, выступая антагонистом демократической системы, что может быть исправлено, к примеру, выборностью судей, однако последнее с очевидностью приведет к комплексу иных несоизмеримых проблем. С учетом изложенного демократизм как принцип в судебном правотворчестве может рассматриваться лишь в отдалении через призму формирования самим законодателем правовой системы, не исключающей и даже предусматривающей судебное правотворчество, способствующей ему, также через назначение судей иными выборными должностными лицами и структурами государства, что однако не ведет к прямому проявлению демократизма в судебном правотворчестве в классическом понимании.

Между тем, принимая во внимание имеющую наиболее общее распространение в литературе позицию о вторичности судебного правотворчества по отношению к законотворчеству, важно учитывать, что судебное правотворчество некоторыми авторами может рассматриваться также как спорадическое явление [10, с. 173-174], происходящее исключительно по инициативе сторон спора. Однако следует заметить, что обязательное толкование правовых норм, руководящие интерпретации норм позитивного права, разъяснения по вопросам судебной практики, даваемые Верховным Судом, в каком-либо акте норматив-

ного или иного характера не связываются напрямую с общественным запросом или выявлением уже возникшей проблемы в правоприменении, напротив, регламентированы по существу только целью установления единообразного правоприменения посредством толкования, в связи с чем нельзя исключать и упреждающий характер разъяснений, связанных с изданием правовых норм, которые в силу незначительного периода времени действия и не могли бы создать какой-либо достаточный опыт применения. Кроме того, здесь важно учитывать спорность вопроса относительного того, что конкретно является судебным правотворчеством, и если соответствующие постановления и обзоры практики могут быть отнесены к актам данной категории, что следует также из приведенных процессуальных норм, то в случае с постановлениями высшей судебной инстанции по конкретным делам данный вопрос, казалось бы, не имеет предпосылок для своего утвердительно-положительного разрешения, в особенности с учетом положений Постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П¹, которым пункт 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ признан не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке. Таким образом, определяется, что решения судебных коллегий высшей инстанции являются обязательными для сторон в конкретном деле, но не являются нормативными правовыми актами, обязательными для применения в других случаях, что, безусловно, должно означать отсутствие проявлений судебного правотворчества и в актах индивидуального правоприменения иных, во всяком случае, нижестоящих судов. Вследствие чего утверждение о спорадическом, зависимом от каких-либо инициативных субъектов права (помимо законодателя, что, однако, в плоскости сравнения некорректно, поскольку законодатель сам меняет нормы и участником споров не является) характере судеб-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2017.

ного правотворчества в случае исключения из проявлений последнего решений по конкретным делам является неосновательным, за исключением того допущения, что постановления Пленума и обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, теоретически имеют в основе и в последнем названном случае создаются непосредственно на конкретных актах судебного правоприменения, что, тем не менее, не может являться достаточным для постановки вывода о сугубо безынициативном со стороны суда характере судебного правотворчества, оформляемого актами, связь между созданием и содержанием которых и разрешением конкретных дел является выборочной, и нормативное предписание, во всяком случае, может исходить от конкретных структур, к числу которых отдельные судебные коллегии, как постулируется в правовой системе на текущий момент и закреплено Конституционным Судом с учетом общеобязательного толкования выявленного конституционно-правового смысла, не относятся.

Изложенное свидетельствует о наличии проявлений самостоятельного инициативного характера судебного правотворчества и не указывает на его однозначную и бесспорную спорадичность, которая могла бы быть связанной с демократизмом исходя из отражения в регулировании судами общественных отношений с учетом воли народа, однако и здесь само по себе обращение в суд осуществляется конкретными субъектами права, не преследующими в рамках разрешения спора цели изменения правовой системы и не являющихся выразителями данной воли, что также не позволяет применительно к судебному правотворчеству говорить о принципе демократизма как основополагающем начале. Между тем, истинный демократизм, во всяком случае, невозможен без открытости закономерностей правового регулирования для общества.

Как было отмечено, гласность означает открытость правотворчества для широкой общественности. Анализируя действующее в российской правовой системе законодательство по данному вопросу, можно обнаружить, что данный принцип в полной мере находит свое выражение в судебном правотворчестве, как следует из пунктов 3.1, 3.1.1, 3.2 обозначенного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2. Пленум Верховного Суда рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ, секретарь Пленума Верховного Суда наряду с осуществлением полномочий судьи обеспечивает публика-

цию постановлений Пленума Верховного Суда на официальном сайте Верховного Суда в сети Интернет и в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации», Президиум Верховного Суда утверждает обзоры законодательства и судебной практики, которые доводятся до сведения судей и работников аппарата Верховного Суда, направляются в суды, публикуются в ежеквартальных обзорах законодательства и судебной практики Верховного Суда, а также в «Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации». Таким образом, акты судебного правотворчества, содержащие нормы-разъяснения, доводятся до сведения не только правоприменителей в лице судей, но и работников аппарата судов, а также публикуются в открытых источниках, обеспечивая сопоставимый с законом уровень гласности. Между тем, здесь следует сделать некоторую оговорку применительно к процедурному моменту, поскольку в соответствии с частью 2 статьи 100 Конституции РФ заседания Совета Федерации и Государственной Думы являются, по общему правилу, открытыми, в то время как для Верховного Суда аналогичное положение предусматривается лишь для разбирательства дел (часть 1 статьи 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, часть 1 статьи 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ, часть 1 статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹, часть 1 статьи 11 Кодекса административного судопроизводства РФ, пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2), без установления общего правила открытости для заседаний Пленума и Президиума Верховного Суда, что, тем не менее, не позволяет говорить о закрытом характере судебного правотворчества с позиции гласности, однако является маркером указанного отсутствия демократизма, ввиду также того, что заседания соответствующих структур представляют собой определенные рабочие процессы внутри государственных органов, схожие по цели и результату с деятельностью законодательных органов власти, однако не во всем ей идентичные.

При этом не может быть не обозначено то обстоятельство, что открытость судебного правотворчества напрямую предполагает вывод о потенциальной подверженности обсуждению и критике соответствующих актов, содержащих нормативные положения, особенно учитывая, что при разрешении судебных споров и в процессе применения нормы закона применению подлежит не сама норма и не сам закон, а то положение, как разъяснено об их применении Верховным Судом,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

на что со всей очевидностью будут ориентироваться и субъекты права, видя норму не в законе, а в разъяснении о его применении. Примечательно, что данное справедливо не только для материально-правовой сферы, но и считающейся более строгой в своей форме сферы процессуальной. К примеру, в 2013 году в пункте 2.1 обзора, утвержденного Президиумом Верховного Суда, высшая судебная инстанция отмечала: «Правоприменительная практика свидетельствует, что в судах еще не сложился единообразный подход к решению вопроса о территориальной подсудности рассмотрения дел, связанных с обращением взыскания на недвижимое имущество, заложенное в обеспечение возврата кредита. В связи с этим у ряда судов возникает вопрос о правомерности применения к рассматриваемым отношениям правила об исключительной подсудности, предусмотренного статьей 30 Гражданского процессуального кодекса РФ. Следует признать обоснованной сложившуюся судебную практику, которая исходит из того, что требование об обращении взыскания на заложенное в обеспечение возврата кредита недвижимое имущество не является самостоятельным спором о правах на это имущество. Материально-правовой предпосылкой такого рода спорных отношений является неисполнение должником кредитного обязательства, предполагающее удовлетворение требований кредитора за счет стоимости предмета залога, в связи с чем статья 30 Гражданского процессуального кодекса РФ к кредитным отношениям применению не подлежит»¹. Между тем, спустя практически 10 лет правоприменения обоснованной стала считаться иная позиция, нашедшая свое выражение уже в таком акте, как постановление Пленума Верховного Суда РФ, в силу пункта 67 которого иски об обращении взыскания на недвижимое имущество, а также о признании ипотеки прекращенной рассматриваются с соблюдением правил об исключительной подсудности (статья 30 Гражданского процессуального кодекса РФ, статья 38 Арбитражного процессуального кодекса РФ)². Таким образом, сторона соответствующего спора более не может рассчитывать на рассмотрение иска, к примеру, по месту жительства ответчика, а должна ориентироваться на рассмотрение дела по месту нахождения залоговой

недвижимости, о чем заранее осведомлена в силу обозначенной гласности судебного правотворчества.

Однако, принимая во внимание обозначенную взаимосвязь принципов правотворческой деятельности, следует закономерность, при которой отличительной особенностью судебного правотворчества от правотворчества с принципиальной стороны будет являться отсутствие взаимного действия принципа гласности с принципом демократизма, в изложенной связи гласность в судебном правотворчестве приобретает иной, можно сказать, более усеченный функциональный характер, исходя из направленности исключительно на информирование субъектов права, не имеющих прямой процедурной возможности повлиять на нормативное содержание применяемых установлений, о текущих тенденциях разрешения судами правовых вопросов. В данном ключе наиболее остро воспринимается проблема обозначенного изменения судебной практики, предпосылки которого не могут быть с точностью и достоверностью прогнозированы обычным субъектом, ориентирующимся на сложившееся положение в праве, что приводит также к вопросу о выделяемом в литературе указанном принципе оперативности правотворчества, предполагающем своевременность издания нормативных актов и правовых норм для регулирования постоянно изменяющихся общественных отношений. Однако в данном вопросе необходимо вновь обратиться к самому характеру рассматриваемого судебного вида правотворчества, поскольку, как в целом постулируется в доктрине: «Суд не вправе отменять или изменять закон, он может играть правоутрачивающую роль в правообразовательном процессе. Судебное правотворчество связано с восполнением пробелов в праве, не является самостоятельным, а дополняет важную функцию судебной власти – осуществление правосудия» [11, с. 27]. В данном смысле представляется, что судебное правотворчество, рассматриваемое в качестве полностью зависимого от внешних факторов и позитивного права явления, оказывает обновленное влияние на общественные отношения исключительно через призму изменения законодательства и, как следствие, практики его толкования и применения. Для более глубокого принятия в данном ключе может быть приведена позиция: «Результаты правоинтерпретационной деятельности судов, бесспорно, влияют на единообразие применения норм законодательства, что обуславливает их значение для эффективного отправления правосудия. Однако, с нашей точки зрения, положения данных актов не создают новых правовых предписаний. В результате деятельности суда происходит установление элементов уже имеющихся норм права и даются

¹ Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2013.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2023.

рекомендации по их применению» [12, с. 10-11]. Но при этом, как следует из изложенных положений и примеров, становится ясной несостоятельность такого подхода в части его неспособности объяснить неизученный феномен изменения довольно устоявшейся судебной практики, происходящего в отсутствие каких-либо модификаций применяющихся правовых норм. Указывая о неизменной вторичности характера судебного правотворчества, юридическая литература в крайней степени преимущественно так или иначе исходит из максимум правоинтерпретационной деятельности судов, обходя стороной вопрос о причинах и следствиях единовременных глобальных изменений судебной практики и не уделяя внимания в данном отношении обратным примерам реального правоприменения. Обходятся здесь также стороной и немногочисленные позиции, подкрепленные многочисленными примерами, однако более индивидуального характера правоприменения, сводящиеся к тому, что в российской правовой системе судебный прецедент существует, но не столько как форма права, сколько как форма произвола и фактор неопределенности в праве [13, с. 40]. В достаточной степени очевидно, что данный вопрос требует отдельного глубинного исследования, однако в целях попытки соблюдения соответствия принципу построения каких-либо теорий на основе фактов, а не интерпретации фактов под теорию, также требует обозначения при рассмотрении указанного принципа оперативности правотворчества. Поскольку без оценки своевременности принятия и применения того или иного акта правотворчества невозможно определить, является ли принцип оперативности присущим тому или иному виду правотворчества, что к тому же тесно взаимосвязано с отдельным вопросом эффективности права, в рамках выявления принципов судебного правотворчества представляется обоснованным исходить из общего стремления правотворческой деятельности к своевременности регулирования изменяющихся общественных отношений и предлагается применительно к судебному правотворчеству рассматривать принцип оперативности как принцип динамичности.

В частности, в марте 2025 года Верховным Судом РФ изменена и в сущности представлена к обязательному применению в новом прочтении практика определения размера неустоек и штрафов по Закону об ОСАГО¹, который определяется

не размером присужденных потерпевшему денежных сумм убытков, а размером страхового возмещения, обязательство по которому не исполнено страховщиком добровольно. Высшей инстанцией отмечено, указание в пункте 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО на страховую выплату не означает, что в случае неисполнения страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта он освобождается от уплаты штрафа. Иное означало бы, что в отступление от конституционного принципа равенства прав, потерпевшие, право которых на страховое возмещение в виде организации и оплаты восстановительного ремонта нарушено, оказались бы менее защищены и поставлены в неравное положение с такими же потерпевшими, право которых на страховое возмещение нарушено неосуществлением страховой выплаты. Таким образом, удовлетворение судом требования потерпевшего - физического лица о взыскании убытков в размере действительной стоимости восстановительного ремонта автомобиля, обусловленных ненадлежащим исполнением страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта транспортного средства, не исключает присуждение предусмотренных Законом об ОСАГО неустоек и штрафов, основанием для присуждения которых является ненадлежащее исполнение страховщиком возложенных на него обязательств по организации и оплате восстановительного ремонта (возмещения вреда в натуре). В этом случае осуществленные страховщиком выплаты страхового возмещения в денежном выражении не подлежат учету при определении размера неустоек и штрафов, поскольку подобные действия финансовой организации не могут рассматриваться как надлежащее исполнение обязательства, которым в соответствии с пунктом 15.1 статьи 12 Закона об ОСАГО является организация и оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение вреда в натуре)². Таким образом, согласно введенному Верховным Судом новому судебному правоприменению, размер соответствующих неустоек и штрафов надлежит рассчитывать от всей суммы неосуществленного надлежащего страхового возмещения при выборе потерпевшим способа возмещения вреда в натуре, что к тому же в буквальном толковании противоречит общей норме пункта 3 статьи 16.1 Закона об ОСАГО, которая в том числе применяется к соответствующим правоотношениям и не

¹ Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 06.05.2002. № 18. Ст. 1720.

² Например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2025 № 50-КГ24-8-К8; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2025 № 81-КГ24-12-К8.

претерпевала каких-либо собственных изменений при изменении практики ее применения. Более того, существовавший ранее до марта 2025 года подход расчета разницы между выплаченной страховщиком суммой возмещения до возбуждения дела в суде и надлежащей суммой возмещения в целях исчисления неустоек и штрафов подкреплен в части штрафа также действующим актом судебного правотворчества (пункт 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31¹), в том числе не претерпевшим изменений с введением новой практики. При этом новая соответствующая практика, безусловно, воспринимается нижестоящими судами довольно быстро, в том числе через отмену в большом количестве вынесенных ранее, до существования, - причем постановленных по конкретным спорам - новых выводов высшей инстанции судебных постановлений, проходящих последующее достаточно длительное во времени обжалование².

Однако причины, цели, задачи, ответы на вопросы относительно того, почему ранее устоявшаяся на протяжении длительного времени практика применения одних и тех же норм закона одновременно оказывается изменена, ожидать ли в будущем каких-либо изменений, высшей инстанцией, по крайней мере сразу, расширенно не раскрываются, кроме того, могут и не подлежать раскрытию, поскольку соответствующая обязанность отсутствует. В данном срезе выраженная косвенно как в законе, так прямо в указанном выше акте Конституционного Суда РФ норма об отсутствии возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке, может быть оценена как не нарушающаяся лишь потому, что соответствующие акты в приведенном случае отменяются не в рам-

ках рассмотрения заявлений о пересмотре судебных постановлений по новым обстоятельствам, а напрямую вышестоящим судом, формирующим новую судебную практику.

Насколько бы ни были противоречивыми и одновременно вынужденно обыденно понимаемыми многие постановления различных судебных инстанций, ясно одно - неоднозначная практика не обходит стороной и высшую судебную инстанцию, перед которой стоит достаточно сложная задача по унификации правовой системы посредством организации такого судебного правоприменения, которое позволило бы говорить о единообразной судебной практике в той или иной области и исключении, в частности, проблемы бесконечных «кроме того». Следует заметить, что указанная задача могла бы выполняться гораздо более эффективно при наличии у проводящего единообразие органа широкого списка инструментов, один из которых в виде судебного прецедента осознанно либо непреднамеренно, однако фактически отрезан от возможности быть имеющим правовое значение в классически понимаемом в юриспруденции варианте правового источника, в результате чего длительное время имеет место ситуация, при которой отдельные акты высшей судебной инстанции по конкретным делам не имеют того самого *stare decisis*. Но такое положение, безусловно, может считаться в определенной степени «выгодным» и для самой высшей инстанции, для которой не требуется инициации каких-то отдельных, более того, не предусмотренных процедур для пересмотра своих предыдущих постановлений по своей же инициативе. Тем не менее, указанное не говорит о благотворном влиянии подобной практики на правовую систему и законность в целом, поскольку высокая невозможность обоснованного предсказания исхода дела либо содержания судебного акта не может соотноситься с правовой определенностью. И в данной ситуации постановления Пленума Верховного Суда РФ, соответствующие обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом, которые не должны выполнять роль правовых положений, тем не менее, в сущности призваны заменить неясный закон для судов, более того, создаются с этой целью, поскольку разрешение дела судом не в соответствии с находящейся в текущий момент в состоянии относительной стабильности установленной практикой по тем или иным вопросам будет с очевидностью выступать, как показано выше и в бесчисленном множестве иных правовых ситуаций, в качестве основания отмены судебного акта. При этом, как видно, такое основание может проистекать и не только из указанных обобщенных обзоров и постановлений, но и

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2023.

² Например: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2025 № 88-5411/2025; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2025 № 88-7064/2025; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2025 № 88-14595/2025; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2025 № 88-11313/2025; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2025 № 88-11924/2025 и т.д.

из постановлений высшей инстанции по конкретным делам, в один момент меняющих практику применения закона в том или ином вопросе.

С учетом изложенного, можно говорить о принципиальных преимуществах существующего в практической и на относительно легальных основаниях в юридической сфере судебного правотворчества в России, обладающего способностью невероятной динамичности регулирования. Однако, очевидно, что такая динамичность и возможность без инициирования каких-либо легальных процедур изменения тактики и даже стратегии правоприменения в отсутствие какой-либо связанности прецедентным началом имеет обратную сторону медали - неопределенность в правоприменении судов. При этом, учитывая, что неопределенность и изменение вектора демонстрируется высшей инстанцией, невозможно говорить об осознанном и неизменном следовании одним и тем же началам нижестоящими судами, отслеживаемыми колеблющийся «правовой тренд», исходящий, в сущности, от более высокой структуры в иерархии, выносящими судебные постановления, вступающие в законную силу и подлежащие отмене в той или иной части либо полностью в случае происходящего изменения практики в окне периода, к примеру, достаточно длительного кассационного обжалования судебных актов, не говоря уже о вопросе изменения практики применения нормы в качестве нового обстоятельства как основания для пересмотра судебных постановлений, правда, в последнем случае, пока за рамками решений высшей инстанции по конкретным спорам. В изложенной связи, говоря о принципах судебного правотворчества с учетом приведенных и других имеющихся в судебном правоприменении проявлений, следует прийти к выводу об отсутствии в настоящий момент в данной сфере правовой определенности как основополагающего начала, к которому осуществляется стремление, в связи с чем следует говорить о первоочередном использовании в фундаменте системы принципа динамичности правотворчества, который в отсутствие существования объективных критериев оценки оперативности прослеживается в конечном итоге на фактической основе и не может соседствовать с правовой определенностью в равных соотношениях, поскольку всегда стоит выбор: динамичность правоприменения или незыблемая формально-правовая определенность (независимо от того, от кого она исходит), который в настоящее время нельзя считать сделанным в пользу последнего. Между тем, вхождение и распространение в практике судебного правоприменения новой четкой тенденции быстро достигается через отмену не соответствующих данному новому началу судебных постановлений,

даже принятых в период, когда новой практики не существовало, что оказывает практически мгновенный эффект на правовую действительность, однако относится больше к механизму внедрения новых найденных смыслов законоположений, чем к вопросу о том, превалирует ли единообразие правоприменения над возможностью замены такого единообразия в случае необходимости. При этом становится логично и понятно, что принцип правовой определенности не является для судебного правотворчества фундаментальным, а существует лишь в дозволенном ему действующем правовом вакууме, имеющем временный характер неопределенной длительности, вместе с тем никто не сможет либо не посчитает необходимым заблаговременно сообщить, в какой момент, с какой даты либо в связи с чем произойдет изменение судебной практики при неизменности применяемых норм закона, и зачем оно принципиально будет произведено, какова первоначальная причина и конечная цель нового толкования прежней нормы и его неукоснительного введения там, где на протяжении нескольких лет существовала правовая определенность. Разумеется, рассмотрение правовых явлений, в особенности судебного правотворчества, с позиций исключительно юриспруденции является усеченным вариантом, поскольку не учитываются социальные, экономические, политические и иные факторы, однако иное рассмотрение требует существенного анализа каждого отдельного проявления, что не соотносится с постановкой выводов обобщающего характера в сугубо юридической плоскости. Тем не менее, те законоположения, которые действуют в правовой системе в неизменном варианте, и та практика их применения судами, которая претворяется в правовую действительность, с позиций принципов права позволяют однозначно утверждать, что правовая система за счет судебного правотворчества в стремлении к единообразию правоприменения развила необычайную динамичность, что вполне не без оснований может считаться принципом текущего сложившегося варианта судебного правотворчества, стремительно реагирующего на изменение социальной, политической жизни, либо осуществляемого по иным мотивам, которые, во всяком случае, по каким-либо причинам и даже в их отсутствие могут не подлежать раскрытию.

Как отмечается в юридической литературе: «Практика, при всей ее значимости и даже на уровне более или менее высоких абстракций, не может и не должна быть первоосновой права; напротив, с учетом своей динамичности и изначальной ориентированности на разрешение конкретных практических вопросов, на «обслуживание» запросов в условиях места и времени,

именно она и нуждается в концептуальной первооснове, не позволяющей ей «расползаться» в угоду этим условиям, сохранять цельность и последовательность» [14, с. 50-51]. Между тем, рассматривая принципы как основополагающие начала, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что, хотя применительно к практике как таковой, не имеющей, по утверждению, способности являться первоосновой, понятие принципов применимо лишь как трансляция какого-либо внешнего воздействия на эту практику, следует учитывать, что, тем не менее, феномен судебного правотворчества тесно связан с практикой, и лишая последнюю всяких первородных начал, следует в значительной либо полной степени лишить этих начал и судебное правотворчество, что не представляется обоснованным уже ввиду самой принадлежности последнего к деятельности по созданию, изменению, отмене правовых норм, более того, не запрещенной в условиях очевидности происходящих процессов и самим способствующим ей законом. Притом, как было отмечено, результаты судебного правотворчества не ограничиваются какой-либо отдельной сферой правоприменения, имеют неограниченный потенциал правового воздействия при надлежащем оформлении и введении, формируют правовую действительность, изменяя и дополняя ее. В частности, возвращаясь к примеру относительно подсудности, можно отметить, что упомянутый Гражданский процессуальный кодекс РФ в части 4 статьи 330 содержит закрытый перечень оснований для отмены решения суда первой инстанции в любом случае, так называемые безусловные процессуальные основания для отмены. Между тем, соответствующий перечень может вполне считаться дополненным пунктом 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16¹, указывающим, что несоответствие резолютивной части мотивированного решения суда резолютивной части решения, объявленной в судебном заседании, является существенным нарушением норм процессуального права, влекущим отмену решения суда первой инстанции (пункт 4 части 1 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса РФ), что не может рассматриваться как что-либо иное, кроме как еще одно безусловное процессуальное основание, с очевидностью проистекающее из практики правоприменения. Постановка знака равенства между динамичностью практики и отсутствием принци-

пов с учетом судебного правотворчества не представляется окончательным вариантом разрешения вопроса, в то же время данное свойство практики не влечет в обязательном порядке изменчивости других принципов судебного правотворчества за счет воздействия динамичности. Здесь также примечательно, на сферу судебного правоприменения не обязательно должны оказывать существенное влияние внешние факторы в виде изменчивости норм позитивного права, поскольку переосмысление, дополнение последних в судебном правоприменении может происходить самостоятельно и независимо, «дальше» от закона и «ближе» к правовой действительности. Таким образом, в совокупности с указанным выше принципом динамичности для судебного правотворчества с учетом отсутствия демократических начал характерен консерватизм, проявляющийся не как антипод гласности либо динамичности, а в изменении системы в конечном итоге изнутри, после признания определенным субъектом (обобщенно Верховным Судом) необходимости изменения, дополнения правовых норм в практике правоприменения, что в значительной степени обуславливается самой по себе независимостью судебной ветви власти и фундаментальной потребностью адекватности права общественной жизни.

В изложенной связи, применительно к судебному правотворчеству, действующая система регулирования, исходя из обозначенных принципов, как основополагающих начал, на которых оно осуществляется, может быть представлена как консервативно-динамичная система, которая приобрела высочайшее благо в виде возможности пересматривать те или иные вопросы на ходу, в отсутствие предусмотренной законом или хотя бы явной необходимости следования *stare decisis*, более того, без какой-либо необходимости объяснения причин выборочной смены вектора регулирования, что, несомненно позволяет более эффективно отслеживать и успевать за меняющейся правовой действительностью и общественной жизнью. Таким образом, посредством судебного правотворчества, суды не остаются в стороне, не являются «оторванными» от реальной правовой жизни, являются соответствующими правовой действительности и происходящим в ней изменениям. При этом заявленная консервативность системы, безусловно, находит свое выражение в упомянутых специфических чертах принципов научности, профессионализма, гласности и отсутствия демократизма, вследствие чего консервативность здесь не является проявлением враждебности ко всяким нововведениям с позиций сущности последних, а выражает свойство низкой либо отсутствующей ротации правотворцев в судебном правотворчестве, ввиду

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июнь, 2021.

фактического отсутствия установления таковой законом, в отличие от законодательной сферы. Однако, безусловно, как отмечалось неоднократно, подобные принципиальные начала построения судебного правового регулирования несовместимы с понятием правовой определенности в его максиме, поскольку подразумевают используемую возможность изменения судебной практики, при котором аналогичные дела будут разрешаться совершенно иначе, чем год, квартал, месяц назад, по указанию высшей инстанции, либо, что более распространено применительно к количеству судебных актов, инстанции кассационной, формирующей практику в пределах своего округа посредством направления судебных дел на новое рассмотрение.

Резюмируя изложенное, следует согласиться с тем высказываемым в науке общим положением, что современное общество и политико-правовая система подвержены различного рода изменениям как по объективным, так и по субъективным причинам, одной из задач судебной юриспруденции является повышение уровня эффективности правосудия, в том числе за счет развития отдельных вопросов, касающихся специализации в судебных органах, формирования единообразного толкования терминов и понятий, используемых в законодательстве и правоприменительной практике, смысловая нагрузка правовых норм, определений и терминов, а также правовых конструкций, регламентируемых законодателем, очень часто двойко трактуется не только учеными-правоведами в той или иной области, но и непосредственно правоприменителем [15, с. 117-118]. В указанной связи в литературе находят планомерное выражение и позиции, что в контексте теории судебного права надлежит исходить из того, что право – это не фиксированная и застывшая, а постоянно развивающаяся в результате правотворчества судей система ценностей, правотворчество судей – важнейший элемент реализации судебной власти, которой они наделены Конституцией РФ [16, с. 140].

Однако рассматривая данные проблемы с позиций принципов судебного правотворчества, представляется необходимым констатировать существующее положение, при котором указанный вид правотворчества строится на основополагающих началах, присущих законотворчеству, за некоторыми изъятиями и оговорками, отражающими специфику соответствующей деятельности по созданию, изменению, отмене правовых норм. В указанной связи следует вывод, присущими судебному правотворчеству принципами, как основополагающими началами указанной деятельности, являются научность, профессионализм, законность (с обозначенными оговорками),

гласность, динамичность, находящиеся в особой взаимосвязи и взаимодействии друг с другом и имеющие специфический свойственный указанному виду правотворчества характер, выделяющий его в законодательстве и судебной практике и придающий ему особый статус.

Список литературы:

- [1] Бошно С.В. Принципы правотворчества // Право и современные государства. 2019. № 2. С. 52-56.
- [2] Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации: монография / М.Б. Румянцев. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 324 с.
- [3] Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др. / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП. Норма, ИНФРА-М, 2017. 432 с.
- [4] Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 384 с.
- [5] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М., 1966. 187 с.
- [6] Иванов Р.Л. Виды актов судебного правотворчества в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 6-13.
- [7] Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 5-27.
- [8] Соловьева Т.В. О характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 2. С. 5-9.
- [9] Лебедев В.М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... док. юрид. наук / В.М. Лебедев. Москва, 2000.
- [10] Валитов Д.Р. Понятие и признаки судебного правотворчества // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 10-1. С. 172-174.
- [11] Желдыбина Т.А. О судебном правотворчестве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 26-29.
- [12] Филимонова А.И., Кулакова О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. 2021. № 7. С. 7-12.
- [13] Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. 2015. Т. С. № 3. С. 28-42.
- [14] Коновалов А.В. Понятие принципов права в современной российской цивилистиче-

ской науке // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 38-52.

[15] Белякова А.В. Судебное право: новое прочтение // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 104-123.

[16] Николюк В.В. Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Часть 1 // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 135-141.

References:

[1] Boshno S.V. Printsipy pravotvorchestva // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2019. № 2. С. 52-56.

[2] Rumyantsev M.B. Pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii: monografiya / M.B. Rumyantsev. Cheboksary: ID «Sreda», 2019. 324 s.

[3] Sudebnaya praktika v sovremennoy pravovoy sisteme Rossii: monografiya / T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.V. Gabov i dr. / pod red. T.Ya. Khabrievoy, V.V. Lazareva. M.: IZiSP. Norma, INFRA-M, 2017. 432 s.

[4] Doktrinal'nye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: monografiya / T.Ya. Khabrieva, A.I. Kovler, R.A. Kurbanov / pod red. T.Ya. Khabrievoy. M.: Norma, INFRA-M, 2023. 384 s.

[5] Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve / S.S. Alekseev. M., 1966. 187 s.

[6] Ivanov R.L. Vidy aktov sudebnogo pravotvorchestva v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2010. № 3 (24). С. 6-13.

[7] Bondar' N.S. Netipichnye istochniki sudebnogo pravoprimereniya: konstitutsionnye mekhanizmy formirovaniya i realizatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. 2024. Т. 28. № 2. С. 5-27.

[8] Solov'eva T.V. O kharaktere postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2011. № 2. С. 5-9.

[9] Lebedev V.M. Problemy stanovleniya i razvitiya sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk / V.M. Lebedev. Moskva, 2000.

[10] Valitov D.R. Ponyatie i priznaki sudebnogo pravotvorchestva // Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Simvol nauki». 2016. № 10-1. С. 172-174.

[11] Zheldybina T.A. O sudebnom pravotvorchestve // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2015. № 2 (103). С. 26-29.

[12] Filimonova A.I., Kulakova O.S. Kto est' sud: pravointerpretator ili pravotvorets? // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 7. С. 7-12.

[13] Polyakov S.B. Sudebnyy pretsedent v Rossii: forma prava ili proizvola? // Lex Russica. 2015. Т. С. № 3. С. 28-42.

[14] Konovalov A.V. Ponyatie printsiptov prava v sovremennoy rossiyskoy tsivilisticheskoy nauke // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 38-52.

[15] Belyakova A.V. Судебное право: новое прочтение // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 104-123.

[16] Nikolyuk V.V. Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Част' 1 // Вестник Урал'sкого юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 135-141.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.